

А. Мерзляков

ТОЛЬКО ЧЕРЕЗ МОИ ТРУП

В АД И ОБРАТНО

Андрей Мерзляков

Только через мой труп

«Издательские решения»

Мерзляков А.

Только через мой труп / А. Мерзляков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-901424-5

Триллер, над которым я работал около пяти лет. История отца, потерявшего свою дочь в пучине безумия: на острове, переполненном психами и убийцами со всей планеты. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-901424-5

© Мерзляков А.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Пролог	7
Глава первая	9
Глава вторая	24
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Только через мой труп

Андрей Мерзляков

*Тот, кто превращается в животное,
избавляется от боли быть человеком.*
Сэмюэль Джонсон

Иллюстратор Дмитрий Мерзляков

Корректор София Мерзлякова

© Андрей Мерзляков, 2019

© Дмитрий Мерзляков, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4490-1424-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Важно, дорогой читатель! Книга содержит кровавые подробности и сцены насилия. Если вы впечатлительный человек – прошу прямо сейчас бросить читать, закрыть книгу, даже если вам на первый взгляд кажется, что произведение читается легко. Некоторые описанные ситуации могут показаться читающему очень неприятными, бредовыми, схожими со странными сновидениями (откуда они, кстати, и выдернуты), которые имеют место быть в нашей жизни. Ниже описанные персонажи вымышлены, как и все происходящие события. Любое сходство с реальными людьми – всего лишь сходство. И Злость, к слову, в книге обоснована.

Помню как сейчас, когда в двенадцать лет прочел «Игру Джеральда» небезызвестного автора. Эта книга, думаю, вопреки моему юному возрасту повергла меня в шок. Тогда и появилась идея написать что-то свое, что-то этакое, без примеси фантастики, более реальное. Прошло уже достаточно времени, без малого пятнадцать лет, прежде чем возникло данное произведение, сшитое из разных отрывков, написанных от руки. Много раз я забрасывал писать, оставлял на потом, убирал в пыльный ящик – называйте, как хотите. Но одно ясно как день – раз вы держите книгу в руках, читаете, значит, мне все-таки удалось закончить. Как говорят, молоко впитывает запахи всего, с чем стоит рядом. Поэтому стиль написанного менялся с годами, как менялся и я сам. Менялся и от того, что я читал в данный отрезок времени. Одно я понял неизменно. Если у вас есть мечта, идея, которую вы думаете воплотить в жизнь – никогда не отказывайтесь от нее, кто бы вам что ни говорил. Моя мечта у вас в руках. Конечно, кому-то покажется, что содержание книги мало чем похоже на стандартное понятие мечты. Но несколько лет назад я и подумать не мог, что напишу, что-либо подобное.

Ну а сейчас, самое время присоединиться к главным героям, окунуться в бездну неизвестности, нечеловеческой ярости и боли. Пройти их путь вместе до самого конца. Прочитать и забыть.

Пролог

Когда я родился, мать мне с детства всегда говорила, что я создан для чего-то большего, чем просто приходить с работы и пялить в телик.

Я рос не таким, как все, был белой вороной среди своих одноклассников. Пока все курили за школьной пристройкой, я подтягивался на турнике, забрасывал, словно невод, ноги на перекладину. Когда я в первый раз получил по лицу, рыдал как девчонка. Сейчас бы это выглядело так, словно кто-то просто провел рукой по бетонной стене. Боль сопровождала меня постоянно, хотя я был непробиваемым малым: была ли это драка в баре или ранение в плечо. Любую проблему я переступал, как ползущую по асфальту букашку. Но в какой-то момент пришел всему конец. Не было больше сил, чтобы с закрытыми глазами смотреть на беду за бедой. В какой-то момент я просто встал и пошел убивать. Я не думал о том, что людей, которых я покарал, когда-то тоже растили матери, качали в люльке и учили, как и всех ходить.

Это была оправданная жестокость. Будто мне стерли память обо всем добром, человеческом, что я когда-либо знал. Если бы мне предложили уничтожить мирных людей, что бы спасти дочь – я бы и глазом не моргнул. Если бы мне сказали, что это вернет мне жену – я бы убил каждого. Каждую семью, что стояла за этим каждым. Думаю, меня нужно было убить в утробе потому, что будто опухоль, смерть вокруг меня разрасталась, словно по нездоровому, обреченному телу.

Случилось это в какой-то день, когда в участке мне подкинули дельце: подставить одну важную персону. Этот неизвестный, судя по байкам моих коллег, был страшный человек. И дело было не в его внешности, а в делах. Он продавал девчонок в рабство, вырезал органы у здоровых, простых нищих для черного рынка, убирал всех, на своем пути, кто был преградой. Моя задача была проста – проникнуть в его дом и подкинуть заранее подготовленный ствол в комнату. Затем его возьмут с огнестрелом. Из пистолета, которым не так давно было убито несколько местных бомжей неизвестным убийцей. Гиблое дельце без существенных улик, явно глухарь. Да и кому какое дело до бездомных. А там, дальше, все должно было пройти как по маслу. Еще пару дел сверху пришили – и в дальний путь на пожизненное.

Я пробрался в дом через окно, не привлекая внимания, в жилую комнату с громадной кроватью. В доме было темно, словно в погребке. Я вытащил из пакета с защелкой оружие и бросил под кровать. Выбрался тем же путем, как и вошел. Набрал номер шефа, дав «добро» на штурм.

Сначала загорелся свет в доме, не успел я положить трубку. А спустя минуту – выстрел, секундная вспышка, разбудившая округу спального района. Как раз в той самой комнате, где я оставил ствол. Это была фатальная ошибка, после которой я потеряю все. Дело в том, что в комнату забежал ребенок, который смотрел с няней мультики в другой части дома. Он играл сам с собой, вытянув палец как воображаемый пистолет. Перебегал из комнаты в комнату, даже не включая свет. А потом привыкшие к темноте глаза увидели под кроватью пистолет. Он щелкнул выключателем и бросился на пол. Он думал, что отец купил ему на день рождения заранее подарок – и вот радость! Сегодня, пока папы нет, он сможет изучить будущий сюрприз. Маленький пальчик скользнул к курку, когда я на улице в придорожных кустах набирал номер на телефоне. Я не знал, что пистолет был заряжен. А ребенок принял его за игрушку, заглядывая в смертельное дуло. После хлопка в освещенной комнате словно выключили свет. На самом деле потухла жизнь в глазах мальчишки. С этого и начнется рассказ. Когда одна случайность вызвала старуху с косой.

Калека древний и седой – он лгал,
И взгляд его наполнен злобой был,

Когда он, объясняя путь, следил,
Как я покорно лжи его внимал —
Беззубый рот, кривившись, выдавал,
Что в мыслях он меня похоронил.

Роберт Браунинг, 1885 г.

Глава первая

Ты должен будешь выбраться. Я тебе ничем не смогу там помочь. В этом городе нет законов, нет полицейских. Там есть лишь хаос, психопаты, убийцы, маньяки со всего света. Многих ты засадил, помни об этом. Если ты считаешь, что твоя дочь там – я тебе верю. Будь осторожен и удачи. Хотя в аду она вряд ли спасет, – слова, повторившиеся в голове уже не один раз, быстро растворились, когда я нащупал замок. Затхлый запах ударил мне в нос. Мои глаза оглядели небольшую насосную станцию в свете луны. Мешки, трупы... Один из мешков из неизвестного материала направился ко мне. Лицо существа внутри обрело контуры, и я видел, как двигается его рот при разговоре.

– Ты зря сюда пришел, – голос хрипел, как во время ангины.

Мешок как гусеница сделал непонятный рывок, перевернулся, будто какой-то кокон из фантастических фильмов. Контуры лица появились на другой стороне мешка, словно тот, кто был внутри, развернулся и там, где раньше находился низ, появилось лицо и продолжило:

– Ты в преисподней дружок. Лишь одному Богу известно, что они с тобой сделают.

Я заметил улыбку на лице мешка, когда тот падал в кучу таких же, как он, только не подвижных. Мне это казалось. По правде, никакого кокона не было, просто кучи мешков с трупами для сожжения. Ветер дунул в лицо, окатив запахом смерти, отчего я пришел в себя. Надо выпить. Когда виски обжигает мой желудок – эти образы уходят. Бессмысленная речь в голове пропадает, и я начинаю ловить кайф от происходящего. Сегодня сезон крови будет открыт.

Дохлый как скелет с костями, человек в грязной спортивной кофте засовывал один из пакетов в печь. Ему это удавалось с трудом. Огонь озарял берег и воду с высокой решеткой, уходившей за горизонт. Уродливый скелет бормотал, что-то странное под нос, закрывая печь кочергой. Видимо он у них тут за шестерку. Он что-то вскрикнул, повернувшись за очередным мешком и заметив меня. Я сделал молниеносный рывок, мигом оказавшись возле него.

Железной хваткой завернул ему руку с хрустом за спину, второй рукой я зажал ему рот. Он сначала пытался выбраться из моих объятий, но это было бестолку, и он утих. Я начал говорить.

– Слушай меня, урод. Я буду задавать вопросы, а ты будешь кивать. Если мы не подружимся – пойдешь жариться в печь.

Скелет кивнул. От него несло гнилью, отчего меня подташнивало. Даже близлежащие трупы так не воняли.

– Я ищу Драговича. Ты знаешь, где он?

Тот кивнул. Я продолжил.

– У Драговича есть кое-что мое и мне нужно это забрать.

Скелет вновь кивнул.

– Еще желательно что-нибудь выпить, лучше покрепче.

Кивнув, тощий человек попытался что-то сказать, но моя рука крепко сжимала его челюсть.

– Я сейчас тебя отпущу. Будь послушным и я не сверну тебе шею.

Он понял, дернул головой сверху вниз. Я ослабил хватку. Скелет упал на колени, привстал, насколько хватило сил, и затараторил:

– Ты труп! Какой псих пойдет в город мертвых что-то искать? Лучше сразу застрелись, сука! Драгович? Да ты и на милую к нему не подойдешь! Головорезы, массовые убийцы, маньяки – ты забыл, что ты на Зверофабрике?!

В ту же секунду из его рта вылетели последние гнилые зубы, скелет свалился на спину и завопил как резаная свинья, собирая остатки своей челюсти с мешков с мертвецами вокруг.

– Я не спрашивал где я. Значит Драгович здесь.

На лице скелета появился оскал. Без зубов он выглядел смешно.

– Я таких как ты, знаешь, сколько порубил? – скелет был явно напуган, но пытался прийти в себя. – Я тебе нихера не говорил и не скажу!

Я захлопнул печь. Меня не удивило, что после этого он перестал орать.

Вспомнилось, что с собой у меня был пистолет, когда отбывал сюда. Сейчас же за поясом его не было. В близлежащих мешках его тоже не оказалось.

– Мать его дери!

Кочерга сама попала на глаза. Явно лучше, чем ничего. Неожиданно дверца печи распахнулась, и оттуда выскочил обуглившийся скелет, который минуту назад был закинут мною в топку. Отчаянный крик разнесся по округе, нарушив тишину лунной ночи, и тут же прекратился от сильного удара с размаха кочергой по затылку, от которого ее наконечник пробил черепную коробку. Безжизненное тело шмякнулось на мешки, расплавляя их. Я вынул кочергу. Надо выбираться отсюда. На горизонте показались огни – неудивительно, после такого крика. Через секунду там же я разглядел движущие силуэты.

* * * *

Мы назвали ее София. Долго выбирали имя с женой. Сначала Лоран хотела мальчика, она даже придумала ему имя, я думаю, что и не одно, но мне пока говорить не хотела. Но оказалось судьба подарила нам девочку. На секунду мне показалось, что она вырастет путешественницей, как и Элли из страны ОЗ. Когда малышка лежала в кроватке, супруга часто перечитывала вслух эту сказку об изумрудном городе. Я думал, семья будет не только у меня в сердце, но и всегда со мной. Оказалось, мои мечты смешались с дерьмом, пропитались кровью и злобой. Тогда Софии было двенадцать, когда первый раз в нее начали стрелять.

* * * *

Двое байкеров в практически одинаковых разбитых и искореженных шлемах от мотоцикла направлялись с факелами в мою сторону. На поясе одного из них весела мачете, раскачивающаяся от каждого его шага – невозможно было ее не заметить. Огонь отсвечивал от кожаных курток. Если бы пистолет – они бы оказались легкой мишенью. Хотя достаточно на сегодня уже шума.

– Смотри, там трупешник! Че за хрень!?

Тот, который был поменьше ростом, быстрыми шагами направился к еще дымящемуся телу среди мешков.

– Он сдох! Базарить не будем, брякай Турку, – Байкер нервно оглядывался по сторонам.

Я краем глаза видел второго, который двинулся к печке со слегка приоткрытой дверцей, откуда вырывались языки пламени, озаряющие округу.

– У нас жмур из своих, – сообщил байкер по рации, наклонившись для того, что бы заглянуть в печь.

Напарнику никто не успел ответить. Мотоциклист поменьше ростом, стоявший возле тела скелета, резко повернулся, услышав вблизи странный звук, но его друга уже не было. Факел валялся на земле, а печь, к которой он подходил секунду назад, держала снаружи кочерга...

– Ублюдки, вы там где?! Прием! – с помехами орала рация рядом с печью.

– Череп! – завопил байкер, – ты где!?

Ответа не последовало. Он рванул к рации и в то же мгновение упал – что-то из мешка его схватило. Это был я. Противник вопил и звал на помощь, потом попытался меня пнуть свободной ногой. Ту ногу, которую я держал, резко повернул по часовой стрелке. Раздался хруст. Байкер заскулил, шлем слетел с его головы. Молниеносно оказавшись на нем, я начал наносить тяжелые удары, пока его лицо не превратилось в кашу. Поднявшись с бездыханного

тела, увидел два вертолета в свете луны. Я знал, что они везли воду и провизию. Нужно было попасть в город.

Двое курили, один стоял в углу, пытаюсь, видимо, написать мочой свое имя на расположенной вблизи полуразрушенной кирпичной стене. Рядом из бочки, в которых в основном держат мазуту, развивались языки пламени. Я стоял чуть дальше, за углом осыпавшейся стены здания. Весь этот вид мне открылся тогда, когда я высунул потрескавшееся автомобильное зеркало из-за угла. Улица выглядела пустынной, как после катастрофы на Чернобыльской АЭС в восемьдесят шестом. Здания будто пережили землетрясения, окна выбиты, город заброшен. Но не все было на виду. Среди этих развалин кипела жизнь – кого-то свежевали на бетонном полу, кто-то забрался повыше и забаррикадировался в одной из подсобок театра – призрака. Я знал, что здесь каждый пытается выжить по-своему, кто-то в одиночку, кто-то по волчьим законам, подчиняясь вожаку.

Те двое, которые держали в зубах сигареты, что-то обсуждали, чувствовали себя раскрепощено, словно это была их территория. С их стороны доносились матерные слова. Одеты они были как бродяги с ближайшей свалки, в лохмотья. Я аккуратно достал мачете, заимствованную у байкеров, и огляделся по сторонам. Зеркало сунул в карман – пригодится. С земли взял кирпич и начал выжидать. Один из людей, если их так можно было назвать, повернулся. Это тот, что ходил в туалет на ближайшую стенку. Яркое разукрашенная маска клоуна была видна при свете луны на его лице. Днем бы такую рожу можно разглядеть за милю. Двое бродяг развернулись, выкинули окурки, что-то сказали застегивающему ширинку человеку в маске. Я прислушивался в темноте, но речь была невнятной, ничего не мог разобрать. Услышал только слово «хирург». Была ли это кличка, либо просто слово во фразе – неизвестно. Клоун почесал затылок и сказал очень громко, я смог различить слова:

– Не ваше дело. Тебе сказали, выполняй. Я бы позабавился с ней.

Он говорил про кого-то в женском роде. На Зверофабрике, насколько мне известно, нет женщин. В ту же секунду кирпич, рассекая воздух, сравнялся с коленом одного из бродяг. Тот с матами повалился на пол, корчась от боли. Клоун и его напарник вздрогнули от удивления.

Я вжался в стену. Мышцы всего тела были напряжены. Особенно наготове была рука, крепко сжимающее ржавое мачете. Адреналин играл в крови по максимуму.

Клоун двинулся в мою сторону, напарник же остался на месте, глядел сначала вверх, потом по сторонам, пытаюсь среди баков с мусором увидеть злоумышленника. Человек в маске шел уверенно, оглядывая глазами каждый темный уголок. Дойдя до края стены, из-за которой я не так давно выглядывал, он резко заглянул за поворот – никого. Я был там же, просто лег на холодный асфальт. Легкий взмах и верхняя часть тела повалилась наземь, потеряв главную опору – ноги. Клоун не успел вскрикнуть, как маска в ту же секунду оказалась у меня в руках, а рот его сжала крепкая рука, не давшая ему вымолвить и слова. Я сжал сильнее пальцы, они ушли в кожу вокруг рта, отчего по запястью у меня потекла теплая кровь. Сильнее она побежала от последующего маха мачете, перерезающего горло клоуна. Остаток тела повалился на асфальт, с него я успел сорвать черную куртку из синтепона, а руки вытереть об ту, которая была на мне.

Сунув сзади за пояс джинсов мачете, я направился туда, куда не так давно летел кирпич. Противники остались на своих же местах. Один сидел, держался за ногу, другой осматривал окрестности. Сейчас только я разглядел у непокаленного бродяги шестизарядный револьвер в руке.

– Может он с крыши упал? – спросил он у меня, когда я подошел.

Я был в маске клоуна и его куртке. В темноте, в таком замешательстве можно было и не разглядеть, кто перед ним стоит, если он выглядит практически так же. Я помотал головой, как бы дав ему понять, что за углом ничего не нашел. Если бы я заговорил – он бы по голосу догадался, что их дружок клоун уже в мире ином.

* * * *

София вышла из школы и присела на пустую скамью возле крыльца. Папа всегда задерживается, она редко на это обижалась – знала, что у него много работы. Она любила его, но совсем не знала, кто он. Раньше он был полицейским... до ранения. Тем днем, когда вошла в палату, не смогла сдержать слез. Тетя Сара тоже. Она часто оставалась с девочкой, когда отец работал. Грудь у папы была перебинтована, он лежал, практически не двигаясь. Врачи сказали, что он поправится, но пару дней подряд София практически не спала, думала о нем. Один раз она даже соскочила ночью, хотела сбежать через окно, прийти в больницу через пару кварталов и расцеловать его. Девочка собралась, но не решилась. Она о многом хотела поговорить с отцом. О маме. Но знала, что ему будет больно. Поэтому она зарыла это в себе – пусть ей будет больно.

После выздоровления отец стал другим. Больше оставался один, чаще перестал бывать дома. Это странно еще и потому, что значок и служебный пистолет пропали из его комнаты. Должно быть, он перестал быть копом. София боялась его спросить после того вечера, когда он ночью пришел домой, проскользнул мимо ее комнаты очень тихо и закрылся в ванной, включив воду. Он знал, что дочь спит – свет в детской комнате был потушен. Но София не спала. Она аккуратно, стараясь не дышать, пробралась на цыпочках через коридор в сторону ванны. Присела на корточки и заглянула в тонкую щель между дверью и косяком. Отец сидел на краю ванной и перевязывал руку. Раковина была в крови, девочка еле сдержала себя, чтобы не ворваться внутрь. Папа держал бутылку текилы в руке, сначала жадно пил, затем лил на намотанный бинт в области ладони. У Софии закапали слезы из глаз. Ей было больно это видеть, хотя знать, что отец все дальше отдалялся от нее, было еще больней. Рукой, вытерев слезы, она вернулась в постель, обняла подушку и попыталась уснуть. Почему отец стал таким скрытым, девочка не знала. Может быть из-за мамы. София часто заходила к ней в комнату. Когда она ушла, запах ее духов надолго поселился здесь. Все стояло на своих местах, как и раньше. Казалось, сейчас она подымет одеяло, махнет дочке рукой, а та с радостью заберется к ней в постель, пока остатки сна совсем не пропадут, затем мама направится на кухню готовить лазанью, а София будет нежиться в кровати.

Последние одноклассники вышли из школы, несколько махнули девочке на прощанье, и направились каждый по своим делам. София не звонила папе, хотя держала телефон в руке. Конечно, она была уже не маленькая, могла бы по идее и сама доехать, но отец обещал. Вокруг лавочки по асфальту от слабых порывов ветра скользили слегка пожелтевшие листья, напоминающая, что октябрь наступит совсем скоро. К ней подошел Мистер Харрис, учитель рисования. Он очень был похож на отца внешне. Иногда ей казалось, что она хочет видеть в отце частичку учителя потому, что тот постоянно ее поддерживает и понимает.

– Тебя может подбросить? Отец опять пашет как проклятый? – Мистер Харрис искренне улыбнулся.

По дороге промчалась тонированная машина неизвестной марки. Окна были опущены, оттуда показалось дуло. Выстрел оглушил тишину. Мистер Харрис успел заслонить собой девочку, хотя София поняла, что пуля предназначалась именно ей. Последовал еще хлопок и еще. Кто-то закричал на соседнем конце улицы. Машина скрылась за поворотом. София попыталась удержать Мистера Харриса со спины, но безжизненное тело учителя повалилось набок на асфальт. Девочка увидела на своих ладонях кровь. Она еще не знала, что, если бы была дома, уехав на автобусе чуть раньше, лежала бы рядом с телом тети Сары на кухонном полу.

* * * *

Два дула уставились мне в затылок. Когда я зашел в ближайшие руины, чтобы вырубить одного из бродяг, откуда-то сзади к голове мне приставили парочку стволов, кто-то со спины скинул рукой с лица маску.

– Не рыпайся, гнида, – услышал прокуренный голос из-за плеча.

Я поднял руки вверх, чувствуя зловонное дыхание в затылок. Справа вышел хромой бродяга, получивший хорошенько кирпичом от меня.

– Эта сука смотри, что со мной сделал! – показал он на кровь на колене, одному из державших меня на мушке. Я не видел его, но чувствовал.

– Ты думал, блядь, мы поверим в твой расписной маскарад?! Мы совсем дебилы что ль?

Хромой ударил со всего маха в грудь, видимо метился в солнечное сплетение, но рука скользнула по ребрам и ушла мне в область подмышки. По затылку пришелся удар рукояткой пистолета. От боли я присел на колени, после этого последовали еще удары, но не от Хромого, он стоял и смотрел. Сквозь заросшее черной бородой лицо я разглядел желтоватую улыбку. Недолго ему оставалось веселиться. Глазами я оглядывал местность в секундных перерывах от ударов теперь уже по спине в поисках чего-то, что может меня спасти. На земле лежал кусок стекла треугольной формы. От следующего удара я сделал вид, что упал наземь плашмя. В Ираке я выносил пытки и похлеще, мог терпеть телесные увечья часами, но здесь нужен обманный маневр – противников очень много. Осколок стекла был в руке, я почувствовал, как он начинает впиваться мне в ладонь. Хромой увидел это, изменился в лице, хотел что-то сказать своим, но будто проглотил язык, а я решил его не убивать первым. Осколок я воткнул в ближайшую из ног врагов, стоящих сзади. Раздался крик, в эту же секунду я вскочил, схватил пистолет за дуло у одного из бродяг, секунду назад пинающего меня, развернул моментально в руке и направил в лицо другому. Послышался щелчок. Револьвер был пуст, а тот, что тыкал мне в затылок стволом, держал муляж, очень похожий на настоящий пистолет.

– Сука, – выругался я.

Хромой набросился со спины, я этого ожидал, другой с раненой ногой орал что есть мочи, еще один из врагов ударил меня на удивление несильно в лицо, смешав пот с кровью на моей щеке. Еще один бродяга бросил муляж и попытался выхватить настоящий ствол, будто там были патроны, но сразу же сел на землю, получив ногой в живот от пытающегося выбраться из этой кучи малы меня. Хромой пытался сделать удушающий, обхватив со спины шею, я, ударив обросшего бродягу спереди, попытался уйти под сжимающей шеей рукой, но все тщетно. Сидящий с куском стекла в ботинке схватил меня за ногу, отчего я оказался в тисках со всех сторон. Все поменялось, когда моя рука скользнула за мачете – слава богу, они меня не успели обыскать. Ржавое лезвие с легкостью вошло в хромого, располозовав ему живот. Все произошло в долю секунды. Я наступил со всей дури на осколок, торчащий из окровавленного ботинка, не боясь, что могу пораниться. Сидящий бродяга начал во всю глотку материться, укусил меня зубами за джинсы и даже не думал разжимать челюсти. Бивший меня пару секунд назад спереди обомлел, когда мачете выскользнула из живота хромого и вошла, как нож в масло, ему в грудную клетку. Я добавил забивающий удар краем ладони по рукоятке, отчего все лезвие пропало в теле противника. Он обмяк и повалился на пол, захлебываясь кровью из легких. Я резким движением вытащил из груди врага мачете и рубанул по голове, бесполезно кусающего меня за ногу, словно бешеная собака, бродяге. Лезвие соскользнуло и срезало ухо врага.

– Я убью тебя, – орал он, держась за край лица и за раненую ногу.

Я выдохнул. Ударил армейским ботинком для верности того, кто раньше держал муляж, хотя он вроде и так был в ауте. Подобрал пустой револьвер сорок пятого калибра, брошенный мной в сторону во время потасовки. Я так понял, что с огнестрельным оружием здесь будет туго, так же, как и с патронами. Присел после на тело хромого, из которого мелкими струйками вытекала кровь, и начал допрос хныкавшего напротив безухого бродяги. Хотя он на него меньше всего походил. Больше всего он был похож на албанца, заросшего бородой, хотя не казался таким старым, чтобы носить рясу.

– Привет дружок, – сказал я ему, открывая пустой барабан револьвера, а затем крутя его по часовой стрелке краем ладони.

Албанец поднял испуганные глаза, будто у загнанного в угол зверя. Я спросил, тяжело дыша, но очень спокойно, пытаюсь отойти от недавней схватки:

– Ты будешь говорить? Я могу тебе вот этот кусок стекла в твоей ноге забить тебе в глотку. Что скажешь?

Раненый плюнул, заерзал от дрожи, но говорить начал, хотя слова давались ему с трудом, все держась за место где было когда-то ухо и за ногу.

– Что.....что ты хочешь? Что ты хочешь знать?

Я ухмыльнулся, убирая вытертую мачете об лохмотья хромого за пояс.

– Здесь девочка на острове двенадцати лет. Слышал что-нибудь об этом? Ты на Драговича работаешь, дружок? – Я перестал говорить, враг понял, что теперь слово за ним.

– Так ты не отсюда? Как ты сюда попал?

– Я задал вопрос. Хочешь лишиться второго уха? Или покровсать твою вторую ногу?

– Я видел девочку у Хирурга в заброшенной школе на севере. Сейчас я не знаю где она, может быть еще там. – Албанец был до смерти напуган, его слова не казались ложью.

– Сколько дней назад? Че за хирург?

– Вчера. Хирург больной ублюдок, любитель потрошить людей. Девку я видел в подвале, кареглазая, напуганная до смерти. Ни слова не промолвила. Вроде та, что ты ищешь. Драгович тебя в порошок сотрет...

У меня все сжалось внутри. Черт! Как я мог! Как я мог...

Албанец заныл:

– Отпусти брат, я все сказал. Я буду молчать, мамой клянусь! Никому ничего не скажу! Ни про тебя, ни про девку твою!

Я встал в полный рост. Подошва моего ботинка сравнялась с лицом врага. От удара тот повалился на тело одного из бродяг. Я посмотрел на маску клоуна на земле, потом на упавшего албанца в куче тел.

– У меня нет братьев.

* * * *

Я пошел на север. В свете луны хер разберешь, куда идти, но вроде туда. Нужно было взять проводника, хотя, скорее всего он бы оказался обузой. Прошел заброшенное одноэтажное здание, рамы окон которого торчали так, что я их чуть не унес с собой. В горле пересохло, я залпом осушил маленький бутылек текилы, найденный в кармане у Хромого. Алкоголь обжег желудок, от этого ощущения разум немного прояснился. Да, этого было мало. Даже бутылки бурбона не хватило бы, чтобы я стал адекватным. Мне то и дело казалось, что среди развалин позади кто-то прячется, часто оборачивался, видя лишь пустую улицу. Я знал, что ночью она пуста – днем группировки и психопаты маловероятно бы дали мне свободно разгуливать здесь. Хреново, что пистолет был пуст. Опять шорох. Я остановился, достал мачете и огляделся. Из темноты вышел силуэт – мальчик лет шести в маске скелета на лице. Меня дернуло. Опять эти гребанные глюки. Ребенок поднял голову на меня. В свете луны это выглядело как настоящий кошмар.

– Твоя дочь уже на небушке, – мальчишка злобно захихикал.

– Заткнись.

Плохо, когда ты разговариваешь с тем, кого нет на самом деле. Мои размышления прервала резкая боль в плече. Ребенок спереди будто растворился, а сзади на мне повис албанец с куском стекла в руке, острие которого без каких-либо проблем вошло в мое плечо. Чертов урод, надо было резать его там. Я скинул его с себя, он неряшливо повалился наземь, после этого с моей стороны последовал молниеносный удар в кадык. Противник будто чем-то подавился, начал кашлять, корчиться на земле. Я резким движением вырвал кусок стекла

из плеча и воткнул его албанцу в глаз. Посмотрел на руки, которые покрылись кровью, теперь уже не только моей. До чего я докатился...

Я проверил рану на плече. Кровь сочилась, не останавливаясь, нужно было зашивать.

– Скоро и ты умрешь, – сказал зловещим голосом ребенок в маске скелета, появившийся в совсем другом месте. Тут же скрылся между бетонных блоков, оставшихся после пожара одноэтажного здания.

Черт возьми, сколько можно.

Нужно было срочно попасть к Хирургу, позаимствовать у него пару медицинских принадлежностей. Мысль о дочери добавила мне сил. Я разорвал край штанины, обмотал плечо через подмышку, затянул посильнее, тряпка сразу же пропиталась кровью, стала липкой. Когда я в темноте трогал влажное плечо, мне хотелось, чтобы это была просто дождевая вода. Но самого себя было сложно обманывать. Я шел на север, к школе. Вряд ли я там увижу жизнерадостных ребятишек, сидящих за партами, тянущих правую руку, чтобы ответить. В вырезках из газет, увешанных в моем подвале, который стал для меня штаб квартирой для разработки плана, я помню, что на особо опасных преступников надевали ошейники, детонировавшие при заходе за забор у воды. Тех, кого я встретил, были без ошейников. Можно только гадать, какими окажутся другие психи. Может они научились их снимать?

* * * *

– Возьми ее за руку! Ну-ка, потанцуйте! – женский голос был таким родным.

На экране крепкий мужчина в светлых джинсах и кислотного цвета футболке кружились на солнечной лужайке с девчушкой в пятнистом платье. Девочка перехватывала руки папы, стараясь удержаться, крутясь вокруг, отчего улыбка на детском лице перешла в не останавливающийся смех.

– Папа, я тебя люблю, будь моим принцем, – сказала девочка в камеру, которую держала мама.

Я, сидя перед телевизором, показывающим старую запись кусочка лучшей жизни, сжал пульт от боли в груди. На видео я услышал свой смех, потом Лоран отдала камеру мне. Моя супруга схватила Софию, повалила на траву, начала щекотать дочь, а та все смеялась не останавливаясь.

– А маму любишь? – спросила Лоран, не прекращая щекотки.

– А мама купит мне пони? – хихикала и брыкалась София.

На видео ей было шесть. Тогда мы только с Лоран переехали в Калифорнию, сняли дом. В тот год я вернулся с войны, которая сломала меня, насколько это было возможно. Наверное, у каждого из нас в жизни есть такое, что остается с нами навсегда. Я боялся ходить без футболки даже в самый жаркий день при дочери, потому что скрывал ожог во всю спину. Иногда среди ночи я вскакивал весь мокрый с постели, мчался в ванну. Казалось, что на лопатках у меня готовят барбекю. Фантомная боль, как сказал доктор Берроуз, дает о себе знать. Помимо этого меня преследовали галлюцинации, я плелся в бар запить кучу успокоительных алкоголем. Как Лоран это все терпела – неизвестно. Она укладывала дочь по-быстрому, слыша поворот ключа во входной двери, что бы та не столкнулась в гостиной с моим еле стоящим на ногах телом. Бывало, ночью мне казалось, что перед моей постелью кто-то стоит. Этот силуэт появлялся примерно раз в месяц. Первый раз это был ребенок, чуть позже мне чудилась перед кроватью умершая давно мать. В какой-то день я даже заорал на силуэт. И получил пощечину от жены. В этот раз это была София, которая не могла уснуть, на цыпочках прокралась к нам в комнату, чтобы лечь с мамой и папой. После этого галлюцинации ушли на какое-то время. Лоран теперь засыпала с Софией, а я на диване в прихожей.

Когда Джекобсон вытаскивал меня из горящего Хаммера, я был не в себе, нес какую-то чушь. Он накрыл меня куском брезента, когда потушил мне спину от перекинувшегося на форму огня, сунул в руки винтовку. Через минуту я потерял сознание, несмотря на грохо-

тавшие выстрелы вокруг. Потом меня взяли в плен, пытали. На лице был тряпичный мешок, руки оказались связаны, ногами я пошевелить не мог. На мешок лилась вода, отчего я стал захлебываться. Между секундными остановками потока воды я успевал сквозь прилипшую к лицу ткань глотнуть воздуха и успеть выплюнуть воду, попавшую в горло.

Я молчал, не понимал их речи. Затем я долго висел кверху ногами, связанный, с мешком на лице, словно какая-то тушка на скотобойне. Спина горела огнем, в висках стучала кровь. Такими темпами мне оставалось недолго жить, пока вся кровь из тела не скопится в голове и не начнет заполнять мозг. Мне пришла идея попытаться раскачаться, когда убедился, что в помещении никого не было. Ударившись об стенку, я каким-то чудом повалился на землю, видимо веревка была накинута на крючок или что-то подобное. Связанными руками попытался снять мешок на голове – все оказалось тщетно. Я стал нащупывать в кармане зажигалку, подарок одного из специалистов по взрывчатке, воевавшего в одном взводе со мной.

Кто мне тогда помог, я не знал. Бог ли это, либо я справился сам, но пальцами нащупал металлический прямоугольник. Вытащив, я чиркнул кремнем и сжал тряпичный материал мешка изнутри зубами. Огонь начал обжигать веревки на запястьях вместе с кожей, несколько секунд спустя я дернул руками, пытаюсь высвободиться. Не вышло. Следующий раз наугад, попробовал держать крошечное пламя зажигалки чуть дальше, но прекратил, услышав шорох в коридоре совсем рядом, видимо за дверью. Зажигалка выпала из рук. Я знал, что если сейчас зайдут те, кто меня пытал и найдут ее – я труп. Пальцами начал рыскать по полу вокруг себя, но вдруг ощутил, что руки свободны. Видимо все-таки веревки подгорели хорошенько. Сняв в мгновение проволоку на шее, за счет которой держался мешок на голове, огляделся. Было темно, в углу еле – еле горел какой-то фонарь или лампочка. Глаза привыкли быстро, я начал разматывать ноги, зажигалки рядом отыскать не успел.

Неожиданно услышал приближающие шаги к помещению, где меня держали в плену. Комната была совсем небольшой, когда я осматривался, видел, что есть кто-то еще, кто-то в похожей на мою форму висел кверху ногами и не подавал признаков жизни. Я метнулся к двери, ноги мои все еще связывала веревка, дополз как смог, и вжался в стену, готовясь к атаке. Война научила – или ты, или тебя. Засов с обратной стороны издал характерный звук и дверь приоткрылась. Я ударил появившийся в проходе силуэт локтем, и не один раз, прежде чем меня остановили. На полу лежал Джекобсон с окровавленным лицом, глаза закатились в потолок. Он пришел меня спасти, а я кинулся на него. Рядом стояли еще двое из моей команды, которые держали мне руки.

Я ничего не мог сказать, потому что к горлу подступил здоровенный ком. Я так часто дышал, сидя на коленях, смотря на безжизненное тело моего товарища из одного взвода, который спас меня однажды, но никогда больше не сможет спасти меня снова. Не придет домой, не обнимет сына, не поцелует супругу, вдыхая запах волос, пахнувших ромашками. Единственное, что он сможет – лежать в земле, покуда тело, полное когда-то эмоциями и чувствами, не поглотит чернозем.

Я не знаю, как люди умирают. Я вижу это, присутствую при этом, но сам остаюсь жить. Когда я умру, это увидит кто-то другой. А может, не увидит вовсе, потому что возможно в этот момент я буду один. Это похоже на то, когда ты идешь по оживленной улице. Останавливаешься, представляешь, будто тебя здесь нет. Пешеходы идут по своим делам, машины продолжают ехать, сигналить. В принципе мир продолжает жить без тебя. От этого становится больно.

* * * *

София прижала мятую фотографию отца и матери, которые стояли в обнимку на фоне голубого моря, на заднем плане виднелись отдыхающие, парусник и причал. Выглядела девочка ужасно. Она уже потеряла счет времени, не знала, какой сегодня день, утро или ночь. О том, что кто-то придет и найдет ее в этом месте, девочка перестала верить давно. Комната с железными

прутьями стала за последние дни ее домом. В углу валялась пустая миска. Высокий мужик в капюшоне, скрывающем большую часть его лица, приносил ее вроде бы вчера, с зажаренным куском мяса неизвестного происхождения. Девочка сначала сморщилась, не думая, что будет это есть. Но спустя какой-то промежуток времени голод стал окончательно разрывать ее изнутри, и она жадно проглотила содержимое миски. До этого в клетку ей незнакомец бросал несколько раз бутылку с водой. Темнота за прутьями скрывала соседнее помещение, но когда человек в капюшоне шел, лица которого она никогда не видела, в тишине можно было разобирать очень тихие приближающие шаги, нарушавшие тишину.

Зачем кому-то понадобилась девочка – подросток? София не знала ответа. В первый день, когда она очнулась в брошенном за решеткой плетеном мешке, выбравшись, кричала, билась в агонии, стучала по клетке с такой силой, что на ладонях засочилась кровь. Потом она долгое время сидела на бетонном полу в бессилии. Незнакомец расположился напротив, точил огромный нож, молчал, не обращал внимания на действия девочки, будто ее и не было там вовсе. Временами он уходил во тьму, скрипела дверь, и тишина заполняла всю комнату. Девочке казалось, как будто она находится в вакууме.

Софии тогда в голову приходили мысли о том, что она больше не хочет жить. Найти бы что-нибудь острое, перерезать запястье, лишь бы не находиться здесь. Мысли о прошлом, как она сюда попала, прервали отдаленные шаги. Незнакомец появился из темноты, подошел, резко открыл решетку ключом с пояса, схватил девочку за волосы и поволок за собой. Перед этим он ударил ее, отчего София потеряла сознание.

Очнулась она уже лежа на столе. Напротив, на тумбе, лежала охалка лезвий разной величины на металлическом разное. Девочка огляделась, руки оказались накрепко привязаны ремнями к железным опорам стола, ноги тоже – двигаться она практически не могла. Незнакомца рядом не было, она смогла осмотреть абсолютно всю комнату благодаря яркой лампе над столом, похожей на ту, которая располагалась в отделении хирургии, когда ей маленькой вырезали аппендицит. София посмотрела на свой торс. Рубаха была задрана, на коже в области живота была нарисована разметка черным пунктиром в виде прямоугольника. Девочка содрогнулась от ужаса, она хотела закричать, но не могла – рот был заклеен липкой лентой.

* * * *

Начало светать. Я перебрался через сгнивший забор, оказался по пояс в траве. Нужно было двигаться, но, потрогав плечо, оглядев кровавую ладонь от прикосновения, мне стало дурно. На секунду показалось, что закружилась голова. Боль отдавала в руку, капельки красной жидкости то и дело стекали медленно вниз по конечности под курткой, падали и исчезали где-то под ногами.

На горизонте виднелась трехэтажная школа, окон у которой вовсе не наблюдалось, лишь оставшиеся прямоугольные отверстия, где когда-то находились рамы со стеклами. Входные двери были настежь. В районе второго этажа из одного из окон выплывали густые клубы дыма, явно несвойственные пожару, кто-то просто развел костер. Очередной психопат, небось. Я пошел вперед, осматриваясь, приминая по пути траву, которую вскоре сменил гравий. Посторонний шум последовал справа.

Между невысоких кустов вперемишку с зеленой травой, осматриваясь, высунулась морда пса. Вскоре показалось и туловище с оставшимися клочками шерсти. Собака, заметив меня, оскалилась, зарычала, глаза ее будто увидели во мне готовый завтрак. Я замер. Достал аккуратно левой рукой мачете, поняв, что животное настроено агрессивно. Жаль, что пистолет был пуст. Собака метнулась в мою сторону, породу я так и не смог определить – настолько уродливо она выглядела. Моя рука, крепко сжимающая рукоятку, сделала мах с плеча, ржавое лезвие рассекло твари морду, не так правда глубоко, как мне хотелось. Та в мгновение отскочила, осознав, что я не беспомощный кусок мяса и в состоянии дать отпор. Если не кровоточащая рана – давно разорвал бы псу пасть. Я махнул мачете по воздуху, показывая, что не стоит ко

мне приближаться. Собака попятилась назад, скалясь, смотря в мои глаза не отрываясь. Спустя секунду пес завыл как волк на луну. Я смутился. С тех же самых кустов, будто по приказу, выбежало еще три твари, размером поменьше жожака, две из которых больше походили на дворовых лаек. Третья из них была облезлая овчарка.

Я, не делая резких движений, двинулся назад. С одной собакой мне бы удалось справиться, но со стаей и моим покалеченным плечом не хотелось вступать в схватку. Дворняги кинулись вперед, будто штрафники на поле боя. Одна получила пинка и отлетела на несколько метров, заскулив. Вторая же от удара лезвием мачете распалась практически пополам. В ту же секунду овчарка вцепилась в штанину, а жожек с разрезанной мордой, обойдя справа, схватил зубами руку, выбив единственное оружие. Я повалился всем весом на собаку у моей ноги. Раздалось жалостливое скуление, у овчарки будто хрустнули все кости внутри, и тело животного в мгновение перестало брыкать лапами. Жожек и не думал ослаблять хватку на моей ладони. Я нанес другой рукой несколько ударов кулаком в рожу пса. Туловище собаки болталось в воздухе, я пнул в живот ей ногой. Тварь повалилась на пол. Откуда эти собаки здесь?!

– Помнишь, я обещал разорвать тебе пасть?!

Я был в ярости. Прижав локтем туловище животного, я двумя руками, несмотря на боль, схватил за низ и верх челюстей, со всей силы дернул в разные стороны. По ладоням потекла теплая кровь. Пес перестал сопротивляться, лапы остановились в одном положении, будто закаменели. Я привстал. Теперь еще и ладонь распорота клыками бешеной собаки, не смертельно конечно, если не подхвачу столбняк. Вдалеке откинута пинком собака, скуля, убегала, сверкая лапами.

Вдруг поодаль раздались выстрелы, я метнулся в траву, прихватив мачете, брошенное в порыве схватки. Отдышался. Надо идти. И плевать, что сейчас я был уязвим, как никогда. Больше всего хотелось выпить бутылку чего-нибудь покрепче, чтобы очухаться. Сквозь траву, рядом со школой, я увидел человека с пожарным топором, который мчался за парнем в шортах. Тот держал пистолет в руке то и дело стрелял на бегу за спину в преследователя. Я сразу подумал о патронах и пистолете – они быгодились сейчас. Психопат размахивал топором то в одну сторону, то в другую, разрезая за спиной у бегуна воздух. Здесь действительно люди сошли с ума. Вскоре оба скрылись в лесу справа от школы. Потом проверю, когда наступит день, сначала надо найти Софию. Я двигался в школу. Все-таки там шел дым, может там есть и что-нибудь съестное. Перед тем как продолжить путь, пришлось помочиться на руку, рана зашипала, я отрезал лезвием мачете кусок рукава куртки и перемотал ладонь.

Стало немного светать. Вокруг все казалось таким мирным, пока я не уткнулся в кучку разложившихся трупов, остатки которых расположились на земле. Чувствовалось, будто кто-то их разодрал, обглодал части тел, оставив кости вперемешку с обрывками одежды. Кошмарное зрелище. Может собаки.

Я стоял у ворот школы. Дым ударил в нос, хотя ветер уносил его вверх за здание. Наверху возня, мне на секунду показалось, что слышу шорканье ботинок об пол на втором или третьем этаже. Нужно быть начеку. Пальцы крепко сжимали револьвер, другой рукой я держал наготове мачете, рукоятка которой пропиталась кровью от повязки. Я вошел в распахнутые двери.

* * * *

Сколько бы боли ты не испытывал за свою жизнь – эта боль никогда не сравнится с чувством, сдавливающим грудную клетку изнутри, после смерти близкого человека, того, которого ты любил каждой клеточкой своей души. Есть множество способов нанести душевную травму человеку. Иногда эти раны, те, что едва видны, проникают так глубоко, как та, что я нанес тебе, София.

Я много пил. Вместо того, чтобы быть с тобой. Каждый божий день две бутылки виски стали уже нормой. Чистого, безо льда и содовой. Сидел в баре, тупо уставившись в стойку с напитками, заливая боль и все больше проваливаясь не понять куда. Один раз помню, ударил

бармена в лицо, когда он сказал, что мне уже хватит. Мой разум затуманил алкоголь. Я упрямился, бармена не сообщать в полицию, когда утром протрезвел. Дал сверток с пачкой мятых долларов. Тогда все обошлось. Я не мог работать, не ел практически ничего, не мог быть с тобой. Я мог спать полдня и заливать в глотку оставшееся время. Да, бывало, я забирал тебя со школы, скрывая запах выпивки жвачкой. Я не гордился этим, но ничего не мог поделать. Напивался до чертиков, не помнил, как возвращался домой, как объяснял тете Саре, что ей придется побыть с тобой еще не один день.

Смерть твоей мамы, увольнение с работы, галлюцинации... и война. Столько всего накопилось. Я убивал людей так же легко, как ты давишь ладонями москитов на пикнике. Я не знаю, чего ждать, когда найду тебя. Бросишься ты на шею или возненавидишь меня еще больше – я все равно никогда не перестану тебя любить. Я убью любого, кто встанет на пути. Я иду, София.

* * * *

Моя рука схватила его за мокрые волосы, он брыкался, но уже не так сильно, пытался вырваться, но ничего и близко не выходило.

В сильно морозящий дождь я добрался до этого чертового дома, где стая уродов держала близняшек, двух несовершеннолетних девчонок, которых неделю назад объявили в розыск. Живы были они или нет, мне неизвестно. Это я и пытался выяснить. Какие унижения и издевательства им пришлось пережить – страшно представить. Досье двоих подозреваемых заполнено приводами за домогательства к школьницам в Питтсбурге. Смертельной инъекции им будет маловато. Полгода как я уже охотник за головами. Если муж бьет жену, ходит налево, спит с мужиком – мне плевать. Если дело касалось детей – я творил самосуд, как бы это ужасно не звучало. Мог подкинуть левые стволы, сделать так, что преступники, которых я искал, вдруг сами убили друг друга. С Гудманом из убийного отдела, занимающего баллистической экспертизой, мне легко можно было договориться. А вечером зарулить с ним в паб. Я не верил в справедливость нашей системы правосудия и плевал на законы, когда это было необходимо лично мне.

Прыщавый, как тинэйджер, он глядел на меня полными ненависти глазами. Руки его перестали двигаться, когда его лицо смялось, как консервная банка, от удара правой. Это был их часовой. Еще пара гребаных отморозков сидела в доме, в окнах которого горел свет и слышались голоса. Да, этот ублюдок, который вышел поссать или покурить на улицу, успел брякнуть, что дальше порога их убежища мне не дойти. Он ударил меня в грудь, когда я перелез через кустарник, только это выглядело смешно, потому что он тяжелее своего члена никогда ничего не поднимал. Получился просто глупый толчок с его стороны. Он даже не был вооружен! Я одним движением вывернул ему кисть, в ту же секунду послышался хруст. Урод хотел завопить, но я мигом заткнул ему рот валявшейся на мокрой земле смятой банкой из-под пива. Отчего у парня вылезли зрачки из орбит. Он не мог вскрикнуть, губы были раскромсаны, полилась кровь по шее, он попытался закрыть рот рукой. Однако часовой в полосатой кофте, похожей на ту, что носят педики в Вест-Сайде, несмотря на шок, попытался меня пнуть ногой, которая от последующего моего контрудара теперь уже моей конечностью, выгнулась в противоположную сторону. Я ухмыльнулся.

– Как тебе хавчик?! Говори, сука, где вы их держите! Шепотом!

Захлебываясь парень начал говорить, смятая банка вывалилась из рта, тинэйджер стоял на одной колени, на второй он не мог стоять, потому что сломанная конечность выглядела ужасно. Состояние шока не давало ему еще ничего понять, мне даже показалось, будто он рыдает, хотя возможно это был дождь, капли которого скатывались по лицу врага.

– Там везде капканы на медведей, ты сдохнешь здесь! Только я знаю, как пройти до дома, – затараторил путая слова парень.

Да, там было темно. Только свет у крыльца и от окон. Поэтому, размазав ему морду, я взял его за шею и за сломанную ногу и с размаху кинул вперед, отчего парень, еще живой,

налетел в крошечной тьме на несколько моментально захлопнувшихся ловушек с острыми зубьями – он даже не успел вскрикнуть. Я наступил ему на спину. Надо было взять фонарик, видимость была совсем хреновой. Пройдя по телу, я оказался около окна. Боковым зрением увидел еще несколько капканов. Эти твари знали, что кто-то придет. Ловушки они разбросали, когда девчонок увезли в этот двухэтажный дом, с крыши которого стекали струйки воды, похожие на маленькие водопады. Они падали мне на волосы, стекали по щетине, растворялись, сблизившись с мокрым материалом кофты. Я был не в настроении.

Парни, о чем-то разговаривали; те, досье которых я просматривал пару часов назад. Был, правда, среди них совсем незнакомый мне персонаж. Один дремлет на стуле в углу комнаты, двое что-то друг другу доказывают, размахивая руками. Надо им их сломать. Я стучу пальцем по стеклу со стороны улицы. Отражением снятого автомобильного зеркала замечая, что один ублюдок перестал вести беседу и направляется к окошку. На камуфляжных штанах висела кобура, торчащий оттуда магнум был вытащен им, когда он приближался к окну.

– Подожди, там кто-то...

Он не договорил своему другу. Я одним движением, разрезая капли дождя, пробил рукой, обмотанной куском штанины часового, тонкое стекло, и резко схватил ничего не подозревающего противника. В ту же секунду рванул на себя. Началась стрельба в доме. Несколько пуль добились остатки стекла в оконной раме. К удивлению друзей их напарник растворился в темноте за окном. Парень, дремавший на стуле, подскочил и схватил Калашников, стоящий дулом вверх в углу помещения.

– Где Чак? Барри, где он?!

Один из них, тот, который сидел за столом с уже мертвым напарником, вытащенным мной через окно, аккуратно подходил к разбитому стеклу, держа пистолет наготове. Второй в голубой кепке с Калашниковым двигался вдоль стены.

– Как он подошел?! Там, черт возьми, ловушки по периметру!

Барри выглянул в окно. Лучше бы он этого не делал. Раздался щелчок. Напарник с автоматом обомлел. Барри шмякнулся на паркет с капканом на лице, если его можно было еще назвать лицом. Полчаса назад они разговаривали, час назад с ним жрали пиццу. А теперь его уже нет.

– Сука! Выход-о-о-ди! – орал единственный урод, оставшийся в живых.

Вся обойма была выпущена в оконный проем. Противник бросил оружие, ринулся к столу, в который был воткнут топор.

Его звали Трэш, этого ублюдка, который беспрестанно орал и озирался вокруг. Трэш – как какой-то дешевый отстойный ужастик. Да, в доме больше никого не было. Чак и Барри подошли.

Отец бил его в детстве, запирали в чулане на долгое время. Трэш чуть подрос, бросил учебу. Как-то раз он отомстил отцу, ударив его ночью сначала молотком, потом повесив его труп в чулане. Чуть позже закопал за домом, где они жили, когда тело начало вонять. Трэш всегда делал вид, будто он крутой мужик, хотя сам по себе ничего из себя не представлял, потому что был тощим задротом. Трэш размахивал топором, рассекая воздух, и орал, пнул стол, перевернул стул. Его слюни летели в разные стороны, немытые волосы встали дыбом. Ага, он казался зол, но не сильнее чем я. Наконечник топора разрезал воздух, а противник суеился по комнате, как загнанная овечка. В оконный проем влетел кусок полена и сравнялся с харей Трэша, отчего оружие вылетело из рук, и, сделав кувырок, упало за опрокинутый стол. Трэш лежал на лопатках, потеряв равновесие от моего броска. Он едва прикоснулся к носу, как тут же почувствовал резкую боль. Кость торчала из переносицы и руки от прикосновения перекрасились в кроваво-красный цвет. Я запрыгнул через разбитый стеклянный проем. Противник, как будто перед ним появился сам сатана, начал лежа пятиться назад, ботинки проскальзывали по полу, из-за этого с места он особо не двигался.

– Где они?!

Услышав мой голос, из его глаз хлынули слезы, смещавшиеся с кровью на лице.

– Они... они..., – заикался он, – в подвале... я их не трогал, это Чак! Я бы ни за что к ним не притронулся! Это все он, все он!

– Ну тебя нахер.

Я ударил подошвой от армейских ботинок по лицу, отчего Трэш просто свалился на пол без сознания. Моя рука взяла топор. Оставлять в живых я его не мог. Хотя нет, я просто не хотел. Дай бог, девчонки были живы, только сильно напуганы. Вот так я раньше решал вопросы, как бы это грубо не звучало.

* * * *

Длинный коридор с облупившимися стенами был загроможден стульями, партами, строительным мусором, будто кто-то давно делал здесь ремонт и решил бросить это надолго затянувшееся занятие. Помещений по пути было много, лучи солнца, где были оконные рамы, освещали наполовину коридор. Все равно нужно двигаться осторожно. Я прижался спиной к стене, держа оружие в обеих руках наготове.

Аккуратно, не делая резких движений, заглянул в комнату справа. Стены выглядели облезлыми, покосившаяся доска для мела сравнялась с раздвинутыми в разные стороны партами. Среди них лежало неподвижное накрытое темно—желтой простыней тело. Запах стоял затхлый, видимо оно здесь не первый день. Я двинулся дальше, не заходя в комнату, идя вдоль стены, стараясь не снести разбросанные стулья и парты, чтобы не наделать лишнего шума. Под ногой что-то треснуло, я посмотрел под ботинок и понял, что наступил на стекло. Пол был усыпан остатками обоев, осыпавшейся штукатурки, вперемешку с пылью, под которой я не заметил осколков видимо разбитых окон. Краем глаза уловил движение позади. Кто-то стоял за спиной. Тело с наброшенной простыней. Выглядело это зловеще. Я, медленно повернувшись, не отрывая глаз, увидел лишь щиколотки ног. Они торчали из-под накинута на очертания человеческого тела пожелтевшей тряпки. Тело стояло неподвижно, так же без малейшего движения, как когда находилось на полу в комнате. Кто—то или что—то смотрело на меня, не отрываясь.

Я вздрогнул, когда раздался звонок, оглянулся назад, откуда шел звук. Звонок был как во время школьных занятий, когда наступал перерыв между уроками. Повернувшись обратно, понял, что тело исчезло... Секунду назад оно стояло в проходе. Может опять галлюцинации?! Неожиданно звук колокольчиков смолк, так же резко, как и раздался. Кто-то видимо вздумал поиграть со мной.

Я, пройдя пару шагов назад, заглянул в комнату, где минуту назад видел труп, накрытый простыней. Ничего. Тела не было. Что за бред? Я услышал шуршание ботинок совсем рядом, со стороны стены. С угла, видимо где должна располагаться лестница на второй этаж, вышел крепкий человек, в руках у него была металлическая труба, за спиной рюкзак цвета хаки с торчащим краем лука. Верхним обрезком трубы он хлопал по ладони и уверенно двигался навстречу, будто мы с ним были знакомы. Я приготовился к схватке.

– Напугался? – спросил он, и среди заросшего щетиной лица появились редкие гнилые зубы.

На нем была потрепанная джинсовая куртка с вывернутыми наружу карманами и брюки, сквозь рваные дырки в коленях, в которых виднелась загорелая кожа.

– Нет, – спокойно ответил я, – Я бы не советовал подходить ближе.

Незнакомец замер в паре метров. Дуло револьвера было направлено в область его головы.

– Я думал, будет смешно тебя напугать. Ты не испугался привидения, жаль. Надо придумать другую маскировку.

Парень опустил голову, будто, правда его это расстроило, покрутил трубой в руке, стоя на месте и вновь поднял глаза на меня, и продолжил:

– Ты как бы у меня в хате, а кто сюда заходит, мы играем в игры. Ты любишь прятки?

Я отрицательно мотнул головой, сжав револьвер в руке еще сильнее, дав понять, что со мной его шуточки не пройдут. Я часто посещал тир, думаю, пуля летит быстрее, чем он двигается. Правда, патронов-то не было, но он-то не знал об этом.

– Мне нужен Хирург.

– А мне нужна баба, – съязвил псих с трубой.

– Может, без головы тебе будешь лучше?! – я чуть ли не заорал на него.

– Хирурга здесь нет. Здесь только я. Я один. Наверху есть что похавать. Ты жрать хочешь? Я вижу, что да.

Первый человек, которого при встрече я не застрелил, не повернул ему голову на сто восемьдесят градусов. Хотя еще не вечер.

Незнакомец убрал трубу в рюкзак за спиной. Я заметил, что на руке у него не было пальца или даже двух, и такое ощущение, что он лишился их совсем недавно – кровь на обмотанной вокруг ладони тряпке еще не засохла. Я опустил пистолет. Мачете все-таки держал наготове.

– Есть что выпить? Еще бы это... иглу надо. Есть?

– Ты вмазаться чтоль? С этим здесь херово, мужик. – Парень повернулся и махнул мне головой, указывая на путь по коридору.

– Мне надо залататься, – уверенно ответил я, стараясь не показывать слабости и усталости.

Незнакомец повернулся в пол оборота в пролете, перед лестницей на второй этаж.

– Есть игла, леска. Еще консервы наверху. Бухла нет. Была когда-то бутылка довоенного шнапса, кончилась. Ты не похож ни на местного, ни на военного.

Парень с рюкзаком поднимался по запыленным ступенькам, кое-как успевая, я двигался за ним, оставляя еле видные капельки крови на полу.

– Я ищу девочку, лет двенадцати.

– Здесь?! – незнакомец замедлил ходьбу. – Да здесь одни мужики. Баб отродясь не было, сколько себя помню.

Видимо он и правда ничего не знал. Нужно будет разузнать про Драговича, если получится. Мы поднялись на второй этаж, я успел краем глаза оглядеть, что когда-то здесь был пожар, все вокруг выглядело опаленным, стены покрылись сажей, а от единственного стола остался черный пепельный каркас. Незнакомец, не останавливаясь, двинулся выше – на третий. Я не мог доверять человеку в городе убийц, мачете все еще была наготове.

Третий этаж был просторен, более менее чист. На полу лежал спальный мешок, тлели бруски, аккуратно обложенные потрескавшимися кирпичами, рядом валялись банки из-под фасоли и не понять какого еще пайка. В углу стояла керосиновая лампа, достаточно озарявшая комнату. Здесь было тепло, я снял куртку. Незнакомец обошел кусок ламината, положенный на парты: это видимо был стол. По нему раскиданы какие-то бумаги, выцветшая покерная колода, пустая банка кофе, окурки от сигарет в пачке. Парень нагнулся, проходя под натянутой от края до края комнаты веревкой, на которой развешаны вещи для сушки, и присел рядом с костром, взяв со стола забычкованную сигарету. Поджег ее от огня, наклонившись. Сейчас он не выглядел как отморозок, был похож на того, кто просто пытается здесь выжить.

– Я Бен, – он протянул руку без пальцев.

– Коннор, – осторожно пожал ему в ответ руку я.

Сняв рубаху и пропитавшуюся повязку-жгут с плеча, увидел глубокий разрез. Рана была на вид чиста, кожа будто разошлась небольшими волнами в разные стороны, образовав канал, где сочилась кровь. Выглядело хуже, чем я предполагал, но не смертельно. Бен снял рюкзак, бросив его у парты, которая держала ламинат, и направился в темный дальний угол комнаты. Вернулся ровно через секунду назад, с крошечной иглой, мотком лески, и бутылкой с прозрачной жидкостью.

- Что это? – удивился я.
- Чача, я сам раньше делал на спирту, когда еще были компоненты.
- Я смутился.
- У тебя ж нет выпивки? Разве ты не так сказал?
- Это не для тебя. – Бен начал продевать леску в ушко иглы, предварительно облив оба предмета своей настойкой.
- Для кого же?
- Для твоей раны.

Глава вторая

Я проспал столько, будто не спал вообще. Усталость просто выключила мой организм из розетки. Когда открыл глаза, мне на секунду показалось, что боли от ран не было совсем. Только приподнимаясь, я почувствовал, что плечо ломит, хотя ладонь перестала болеть вообще. Бена рядом не оказалось. Я выглянул в щель у заколоченного с внутренней стороны окна. На улице моросил дождь, небо затянуло, а капли еле слышно барабанили по крыше. Справа от окна тоненькая струйка сбегала в емкость, похожую на ведро, из трещины в кровле крыши. Я еще раз огляделся, никого. У моего матраса лежал лук Бена с тремя стрелами. Я думал позаимствовать его, а то с пустым револьвером, как с голой жопой на поле. Странно. Рюкзак его стоял в углу комнаты, среди пустых консервных банок и прочего мусора на полу. Я потянулся, и медленно, направился в дальний край комнаты. На парте в углу я заметил, что-то блестящее, когда молния озарила на секунду комнату. Похоже на брошь. Я подошел. Это был кулон... цепочки не было. Я видел его раньше, всегда, когда видел Софию. Его Лоран подарила дочери, когда ей стало десять, в тот же день она перестала отмечать мелом рост девочки на дверном косяке в детской. Какого черта?! Я убью этого сукиного сына!

Я был готов разнести все на своем пути. Злость, адреналин и еще хрен знает, что ударило в голову так сильно, что мне казалось, кулаки сами начнут крошить близстоящую стену. Я метнулся к рюкзаку Бена, вытряхнул его, перевернув. Нихера, кроме банок с фасолью и репой. Скотобаза!

Когда человек, который вчера мне помог, начал подниматься наверх, я бросился на него. Вцепился со всей дури в его грязную шею, думал, что сейчас сломаю его нахрен. Я орал, спрашивал, где девочка, откуда он взял кулон.

– Девка?! Она откусила мне палец, сука, представляешь, как эта чертовка напугана!? Я хотел ей помочь, клянусь!

Я слышал, как голос Бена начал уже хрипеть от моей хватки, слова ему давались с трудом. Я ослабил руки.

– Где ты ее нашел?! Ты че мне на уши вешаешь? Я спрашивал у тебя про девочку, забыл?!

– Я хотел тебе рассказать, но вчера ты отрубился, прости, мужик.

– Что-то не особо внушают доверие твои извинения, – моя рука потянулась за мачете на всякий пожарный.

– Она пряталась в траве под окном, потом зашла в школу, видимо в поисках убежища. Грязная, как свинья, мне вообще показалось сначала, что это пацан. Она плакала, говорила, что за ней охотятся, что держали ее в плену, но она смылась. Как девочка сюда попала? Я понимаю, стволы, наркота, но девчонка... как!?

– За бабки можно все. Слышал про Драговича? Я надеюсь найти эту падаль здесь.

– Говорят, он обосновался в черте города, за лесом. Иди к старой мельнице, думаю, дома ты сам увидишь, только там не дичье....

– Что еще за дичье? – Я почувствовал, как злость отходит, хотя мысли о том, чтобы его нашинковать не покидали голову.

– Здесь, если ты заметил, все ходят, вооружившись палками и тем, что под руку попадется. А те суки, что в городе, забирают всю провизию себе, у них там огнестрел и свои группировки, а мы, блядь, мол, изгой. Сняли с нас ошейники и погнали как дворовых собак в поле. Ни пожрать, ни посрать спокойно. Я утром четыре раза обхожу хату и каждый раз думаю, что напорюсь на дебила с бензопилой. Или кто-нибудь просто перережет мне горло во сне. А это... насчет девки, она че тебе родня какая-то, что ты так печешься?

– Она моя дочь.

Глаза Бена округлились. Он облокотился на стену, потирая сухую кожу рукой в области горла. Я продолжил:

– Мне надо знать, куда она пошла. Когда это было, говори.

– Вчера. Я ей предложил поесть, но она вдруг будто с цепи сорвалась, набросилась на меня. Забрала у меня нож со стола, и еще это, – Бен показал на перевязанную руку. – Я видел, как она рванула в сторону леса на север, больше я нихера не знаю. Вот и помогай людям.

Я посмотрел ему прямо в глаза. Похоже, он не врал.

– Если ты меня обманул, я вернусь и прострелю тебе башку. Помнишь, когда мы встретились, ты мне что-то заливал про игры. Сейчас мы поиграем в мою. Я буду Робин Гуд, а ты – зажиточный дворянин, тебе нужно отдать все нажитое, хотя чего уж отдать – я все заберу сам. Веселая игра, я тебя уверяю. – Бен вжался спиной в стену, ничего не ответил.

Я сунул кулон в карман, взял рюкзак Бена, не тронув провиант на полу, сунул туда лук, перекинул лямку через плечо и направился к лестнице, больше не сказав ни слова. Бен остался стоять в недоумении. Выйдя на порог первого этажа школы, я еще раз глянул на здание. Из-за пазухи достал позаимствованную бутылку пойла, осушил наполовину залпом. Стало чуточку легче, хотя на вкус самодельный алкоголь был ужасен. Убрал остатки пойла в рюкзак. Путь мой лежал через лес. В голове крутилась мысль, что София уже далеко отсюда. Но лес был единственной зацепкой.

Я аккуратно в полуприсед двигался, держа наготове лук за тетиву. Он был достаточно легким, простым по конструкции, но точно смертоносным. Дорога заросла, хотя мне удалось заметить, что нижние ветки кустарника надломлены, а трава ниже примята. Это говорило о том, что кто-то здесь уже шел, причем не так давно. Может быть дочь, хотя я не слишком был уверен в словах Бена. А может быть парочка психов, мчавшихся на рассвете в эту степь. Ни животных, ни птиц слышно не было. Мертвый лес. Пробравшись немного дальше, среди кустов и стволов деревьев я заметил движение. Псих вертел в руках топор, двигаясь по небольшой поляне из стороны в сторону, будто что-то потерял. Я уже встречал его, когда шел к школе. Сандалиями он загребал пожелтевшие листья. Рядом, на вертеле, над пляшущим пламенем костра, обложенного по кругу камнями, жарилось мясо. Здоровенный кусок.

Надеюсь, это не тот придурок, что убегал от него с пушкой.

Не успел я подумать, как меня чуть не вывернуло, когда разглядел выпотрошенное тело человека. Точнее уже не тело, а остатки кожи и кучка внутренностей вперемешку с одеждой убитого.

Псих положил топор рядом с огнем, пальцами выдрал из середины кусок с вертела и сунул в рот, смачно пережевывая. У него была такая смакующая харя, будто жует деликатес. Большой ублюдок. Меня волновал другой вопрос. Видимо с провизией здесь и по правде туго, люди жрут друг друга живьем. Бен говорил правду. Значит у меня добавилась парочка разнообразных вариантов, как здесь подохнуть. Помню, когда просматривал газетные вырезки, сделанные собственноручно, интернет статьи, там молвили, что здесь около трех с половиной тысяч человек, заключенных со всего континента. Все тюрьмы переполнены настолько, что вышестоящим правительственным шишкам ничего другого и не оставалось – кинуть всех на Зверофабрику, будто из уютного загона на скотобойню. Отмена смертной казни повлекла за собой череду неприятных последствий. Сейчас же здесь все казалось таким безлюдным, будто за последний год они все перемочили друг друга. Мне меньше проблем, это конечно плюс. Но где жекам удалось раздобыть огнестрел? Видимо, Драгович замешан. Если встречу вооруженный конвой, опасно идти в лоб, лезть под пули. Мысли мои прервал зацепившийся край рюкзака за ветку позади, отчего враг насторожился.

Псих рукой подобрал топор с земли и уверенно направился в мою сторону. Я замер, пальцами максимально натянул тетиву и нацелился каннибалу прямо в лоб. Время будто замедлилось, я старался не дышать, вжавшись в ствол дерева, при этом не теряя врага из виду. Людоед

осматривал местность, вглядывался в кусты, откуда донесся шорох. На мгновение мне показалось, что он увидел меня среди веток, но каннибал, секунду постояв, опустил топор и пошел дальше крутить мясо, чтобы то обжаривалось равномерно. Я вдохнул полной грудью, ослабил тетиву. Не заметил. Я еще не окреп, чтобы вступать в рукопашный. Но в любом случае он сдохнет. Сейчас. Сейчас...

А то придет тот мальчик в маске скелета. Маленький и хихикающий. Он будет проситься на ручки. Или воткнет тебе в шею шприц с воздухом. Выбирай, ты же взрослый. Уже пора начинать копать, плевать на погоду, даже если будет слякоть. Все равно нужна могила. Нужна. А то дочке нужно где-то отдыхать. Так что грохни. Грохни его. Может, мы его тоже пожарим?

Чертовы голоса. В голове. Выше... затылка. Заткнитесь!

Надо выпить. Срочно. А то я сойду с ума.

Людоед вытащил из пакета на земле бутылку жидкости неизвестного происхождения, направился к дереву и навалился спиной на шершавую поверхность ствола. Открыл емкость и сделал пару глотков. Мне удалось разглядеть его очень четко. Морда каннибала была будто опалена, из носа торчали длинные волосы, переходящие в начало бороды. Выглядел он как бомж со свалки. Грязные джинсы с порванной рубашкой поло, выцветшей на солнце, вперемешку с пятнами засохшей глины, похожей на пластилин. Руки в запекшейся крови. Я натянул тетиву вновь. Враг встал в профиль, когда стрела вылетела из лука. Она легко прошла сквозь ладонь людоеда с тыльной стороны, скользнула вверх по пластику бутылки, прошла острием щеку, войдя с одной стороны рта и вылетев с другой. Стрела остановилась, лишь сравнившись с корой дерева, отчего каннибал оказался будто прикован, как рыба, нанизанная на гарпун. Противоположная наконечнику сторона стрелы торчала из ладони немного наискось. Псих стоял, не шелохнувшись, будто окаменел. Его глаза торчали из орбит, он не мог заорать, не мог сказать и слова, язык рассекло острием. Каннибал попытался здоровой рукой вытащить стрелу, издавая звуки как глухонемой. Бутылка упала в ноги, но не разлилась, а слегка наклонилась, оставшись лежать на боку. Псих, не вытащив стрелу и не на дюйм, затрясся в лихорадке. Я вышел из леса, быстро подошел, по ходу взял топор, крутанул в руке, как это делал он. С размаху ткнул лезвием в уцелевшую руку людоеда, не отрезав, а пригвоздив конечность к стволу дерева, к которому враг и так был прибит стрелой. С земли взяв бутылку, я открутил крышку и вдохнул содержимое. Выдохшаяся текила. В мгновение осушил емкость. Такая дрянь, что пойдет, когда нет ничего.

– Ну что, сука, будешь говорить?!

В ответ послышались стоны и вытекающие красные слюни из приоткрытого рта. Пришлось ударить по торчавшему топору, отчего у того лезвие впилося еще глубже в кисть, рассекая плоть. Людоед неестественно забился в конвульсиях.

– Тогда будешь моргать по многу раз, если да, а если нет – то один раз. А я буду задавать вопросы. Готов, старина?

Тот заморгал глазами в ответ. Надо было оставить чуточку алкоголя, пополиваться сверху его порезы.

Я начал допрос, хотя и не надеялся ничего путного разузнать:

– Здесь пробегала девочка, лет двенадцати?

В ответ людоед моргнул один раз, давая как бы понять, что видимо, нет, Софии здесь не было.

– Подумай хорошенько, я никуда не спешу. Можем до рассвета тут болтать, пока ты не сдохнешь.

Из глаз его хлынули слезы, он заморгал что есть сил, потом замычал как теленок. На штанах вдруг возникло пятно, а у ног начала образовываться лужица мочи.

– О! С облегчением. Так ты скажешь, видел девочку здесь или нет?

Каннибал моргнул раз. Это значило «нет». Я надавил еще сильнее на топор, но переборщил. Враг от шока отключился.

Где мне теперь ее искать? Похер, облазаю весь лес. Если бы он что-то знал, уже бы сознался, сказал я сам себе.

Рукой резко выдернул стрелу, но враг так и не очухался. Я вытер об его рубашку кровь, вытащил топор. Неподвижное тело свалилось на торчащие из земли корни, перекрашивая их в кроваво-красный цвет. Стрелу сунул в рюкзак, топор на плечо. Оглядев местность, мне удалось раздобыть пистолет Беретта. Он лежал среди останков тела парня, которое сейчас жарилось рядом. Тут же брошены окровавленные шорты парня, ставшего жертвой. Ну и вонь. Хорошо, что я давно ел. Да, кстати о еде – все-таки нужно что-то раздобыть, несмотря ни на что. В обойме ствола оказалось два патрона – негусто. Теперь револьвер можно сунуть в рюкзак до лучших времен.

У дерева лежал пакет с банкой мяса и риса. Видимо провизия убитого. Я достал единственное содержимое, сунул в рюкзак, огляделся. На дворе стояла поздняя осень, желтые листья вокруг костра были будто разбросаны кругами по земле. Сегодня уже третий день, как я здесь. Толку пока ноль. Тело только зудится как-то странно.

Я снял вертел с человечиною обеими руками, кинул его за деревья, накрыл внутренности, не смотря на них, рубахой каннибала, и присел у костра. Нужно поесть. Тепло шло от огня и растекалось от кистей выше по всему телу. Лезвием мачете я с усилием провел по металлу банки, надавил на рукоять. Открыв, начал уплетать содержимое, зачерпывая острием рис с кусочками свинины. Я понимал, что надо идти, но жрать я хотел больше. Добравшись до дна банки, я отложил то, чем ел в сторону, вытащил из рюкзака остатки пойла Бена и осушил до дна. Еще раз убедился в невкусности выпивки. Я потянулся за мачете и в тоже мгновение над головой пролетел кусок полена в паре сантиметров от волос.

Я вскочил, одной рукой схватил мачете, другой топор. В движениях не был так скован, потому что рюкзак лежал у костра. Черт, стволы я минутой раньше убрал в рюкзак. Времени копать не было, да и выстрелы могли привлечь еще кого-нибудь. Вышли из леса двое полностью обнаженные. У одного из врагов во все лицо была татуировка в виде черепа, вокруг глаз рисунок становился темнее и придавал его роже очертания скелета. Да и тело не блистало мускулатурой – кожа да кости. Дружок оказался пошире в плечах, но член был едва виден даже при свете дня. Скелет стоял без оружия, видимо он кинул полено. Плечистый держал в правой руке брус, к которому видимо он сам примотал медной проволокой лезвие от конька острием вверх. Лево́й волочил за собой кусок мяса, который не так давно выкинул я. Мне стало ясно, что мирным путем мы все не решим, когда противник с маленькой пистолеткой начал говорить:

– Оставь рюкзак и оружие. Беги отсюда, пока цел.

Рядом стоявший скелет ухмыльнулся. Грозные голые мужики. Я улыбнулся, глянув вновь на пенис противника, отчего краем глаза заметил, как лицо его загорелось красным пламенем, а рот приобрел зловещий оскал. Зубы торчали там через один, но зато золотые. За луком было лезть далеко, пистолет был ближе. Но сделал я иначе – бросил топор, не раздумывая, в беззубого. Оружие сделало несколько оборотов в воздухе, и лезвие сравнялось с грудью врага. Голый скелет обомлел, глядя на дружка, и вдруг кинулся яростно в мою сторону. Напарник, упав на траву у края поляны, попытался вытащить лезвие топора из себя, но напрасно. Кровь полилась на шею, хлынула на руки, в глазах потемнело навсегда. Я не стал тратить патроны на скелета, и вскоре пожалел об этом – недооценил противника. Худой враг выбил мачете, не дав даже сделать мне размах. Сбив с ног, он повалил меня на землю. Жилистый сукин сын. Двумя руками скелет вцепился мне в горло, несмотря на то, что секунду назад я зарядил ему в бубен. А он как будто и не заметил. Извернувшись, он переметнулся мне за спину, будто на удушающий. Несколько раз я успел нанести ему удары в морду – ноль эмоций. Враг, держа руки в замке на моей шее, тащил брыкающегося меня к костру. Весил я не хреново, но что

удивительно, ему видимо было все равно. Он был как муравей, который поднимает вес, превышающий свой собственный в несколько раз.

Я почувствовал, как запахло жареным – это были волосы на голове. Худой практически запихнул меня лицом в костер, перевернувшись на мне, словно баба на шесте, даже не разжимая рук. Такое ощущение, что каждому моему действию он находил противодействие. Лицо обожгли языки пламени, я почувствовал, как кожа на лбу начала жечь и, кажется, покрываться волдырями. Я попробовал переместить весь вес на противника, извернувшись, как недавно сделал враг. Получилось. Скелет угодил спиной в костер, кувыркнувшись в сторону от огня, встал на ноги, успев зубами схватить тлеющее небольшое полено. Гребаный циркач. Он перебросил его в руку, палка начала разгораться от резкого движения. Я отскочил назад, спиной упав на землю, где лежал рюкзак. Рукой, найдя оружие на дне, я в мгновение выдернул его из рюкзака, и, наведя дуло на лоб худого мужика, нажал спусковой крючок.

Да, достал пистолет, да не тот – в нем не было патронов. Этого было достаточно, чтобы получить раскаленной палкой по плечу. Револьвер улетел в неизвестную сторону из рук от удара, а рюкзак враг оттолкнул от меня подальше. Скелет наступал мне на пятки, а я растянулся на земле, как выбросившийся на берег кит. Глазами попытался найти мачете, но рядом валялась лишь консервная банка, которую я в тоже мгновение отправил в лоб скелета. Худой повалился наземь, будто его сразило пулей, но сознание не потерял. Видя, что он пытается подняться, я опередил врага, вскочил быстрее, ударил его подошвой ботинка по хारे, схватил за шею сзади, так как он лежал от нанесенного удара лицом вниз. Потащил к костру, затем окунул его прямо в пылающее пекло мордой. Тот заорал, попытался выбраться из огня, извиваясь. Тогда я отпустил руки с шеи противника и в ту же секунду надавил ногой ему на затылок, прижав к ярко красным углям. От безвыходности худой смешно замотал руками, будто пытался взлететь, как птица, но вскоре перестал дергаться.

– Вот и вывели татуировку, – сказал я, переводя дыхание. Потрогал лоб и волосы – немного опалены, жить буду. Найдя мачете среди листвы, сунул за пояс. Снял проволоку тонкую, но очень прочную, с самодельного топора, наконечником которого было лезвие от конька. Остатки изделия бросил на землю. Закинул рюкзак на плечо, нащупав через ткань Беретту с двумя патронами в обойме. Дошел до трупа, лежащего рядом с куском зажаренной человечины в траве, выдернул топор из груди, обтер о какую-то валяющуюся одежду и сунул рукоятку вниз в рюкзак, затянув веревками по краям. Пустой револьвер я еле нашел. Интересно, кто их раздел?

Мои мысли прервал плач из леса, со стороны противоположной той, откуда появились враги.

* * * *

Я сидел, прислонившись теплым лбом к автобусному стеклу на самом дальнем от водителя месте. Нужно было готовиться к поискам Софии, но я пил. Вернее, я уже был пьян. Ужасная боль в груди и здоровенный комок в горле проходили на время, когда алкоголь заливался в глотку. Ощущение плавающего человека. Я где-то посередине – и не плыву, и не тону. Состояние как при высокой температуре. Нужно было отправляться вчера, но не вышло – погода была, как когда был ураган Катрина. И сегодня та же история. Завтра я буду там и буду убивать.

Иногда мне хотелось со всей силы ущипнуть себя или ударить кулаком зеркало в ванной, что бы я мог проснуться, придя в себя, понять, что все это происходи не со мной. Они изрешетили в мой дом... Сорок четыре пули вытащили из тела тети Сары... Хочется очнуться и понять, что все это просто дурацкий сон. Что я лежу на софе, проснувшись и открыв глаза, увижу дочку, готовящую на кухне глазунью с тостами. Жаль, но это был не сон. Холодное стекло единственное, что не раздражало мое бухое состояние. Хотя его я бы тоже разбил к чертям.

Автобус был практически пуст, лишь какой-то хиппи в углу, справа от водилы, слушал музыку в наушниках, которые казались больше его головы. Я откинул голову назад на спинку, залил в горло купажированного виски. Глоток, второй, я не мог остановиться. Стало тепло. Не в транспорте, а где-то чуть выше живота. Я посмотрел на трясущиеся руки. До чего я дожился...

Открыл слева маленькое окошко с надписью «не высовываться». Нет, мне еще рано подышать. Даже в опьянении я помнил, что завтра меня увезут в мешке на остров – единственный возможный шанс там оказаться. Городской транспорт трянуло, видимо, наехали на кочку, и пелена на глазах немного ушла, или мне показалось. Я глянул на хиппи. София... там сидела она... в конце автобуса. Я дал ладонью себе по лицу, но дочь не пропала.

– София?! – я чуть не закричал.

Девочка не реагировала, она сидела в наушниках, в своей розовой кофточке, волосы были собраны в хвост, мне даже показалось, что на плечах были лямки от ранца. Это не может быть она, приди в себя. Ее забрали, ее нет. Она где-то на острове в Тихом океане, ты забыл? Вы же пробивали в участке местоположение, где последний раз было зафиксирован ее мобильник.

Я пьян, или это сон...?

– София! – окрикнул я, уже встав с сиденья. Меня качало, но я шел к дочке. Руками держался за поручни, ноги еле волоклись за телом. Я отпустил бутылку, и она повалилась под пассажирские места, расплескивая содержимое, скоро пропав из виду. Я был уже близко, когда автобус резко начал тормозить. Повалившись на колени, мне удалось все-таки удержаться, не растянувшись во весь рост на полу городского транспорта. Глазами я искал дочь, но ее не было. Пустое место, никого вокруг. Автобус ехал сам, потому что за водительским местом тоже не оказалось ни души. За окнами ночь, непроглядная мгла октября. Вот бы холодное стекло находилось всегда у моего лба. Автобус начал набирать скорость. Я оглянулся в ту сторону, где сидел. В лицо мне смотрела дочь. По ее лбу из-под волос стекали струйки крови, а глаза у нее были как у куклы. Карие, но будто вставленные искусственные стекляшки в глазницы.

– София!

Я тряс ее за плечи. Девочка будто смотрела сквозь меня.

– Пап..., – голос шел, будто не от дочери, а где-то в моем подсознании. – Ты можешь убить меня, пап, мне больно. Мне очень больно.

Дочь не открывала рот, губы не двигались, но я ее слышал.

– Убей меня, умоляю. Убей, убей, убей. Убей!

Голова затрещала, я попытался обнять ее, но ее тело распалось сначала напололам, где прикоснулись мои руки, а затем и вовсе рассыпалось, став клубами пыли, будто девочку сожгли. Превратившись в пепел, в прах..., который не успел сдуть ветер, и он медленно оседал на пол. Я обнимал воздух, стоя в транспорте. Тут голос привел меня в себя:

– Простите, сэр, конечная, – водитель автобуса направлялся ко мне по салону, выйдя из-за руля.

Я, держа бутылку под мышкой, приподнялся, вышел из автобуса, качаясь. Побрел домой, думая о дочери.

* * * *

Возьми всю боль и оставь ее в верхнем ящике стола. Боль не принесет тебе ничего хорошего. Сколько ты еще собираешься не спать ночами, думая о том, что Бог мог дать тебе хорошего отца. Который утром будет пахнуть одеколоном и гелем для бритья. Который обнимет, когда ты придешь в слезах, после того, когда девчонки из параллельного класса толкнули тебя в лужу у школы, за то, что ты их не пропустила в столовке. Мамы нет, сколько не плачь. Тебе еще иногда кажется, что она зовет тебя из соседней комнаты ночью, что бы ты помогла ей под-

няться и дойти до уборной. Джей все равно не смотрит на тебя, хотя сидит за партой слева, совсем рядом. Ему по душе богатенькая Элен со своим айфоном.

Ты вспоминала, как умоляла отца положить тебя рядом с мамой. А он что? Он сказал, что тебе еще жить да жить. Ты любила и ненавидела его одновременно. И забудь о том, что ты хотела умереть. Когда-то ты брала с собой наточенный нож с кухни в ванну, набирала воды по шее, ложилась и будто бы резала запястье. Ты вела лезвием по руке, по коже, но глубже резать боялась. Все мы, когда-нибудь умрем, но ты временами не хотела ждать. Ты думала о том, что одинока. Дома ты часто одна, в школе словно невидимка. Не чувствовала любовь отца, она так была необходима, как воздух. Хотелось бы, ты молила об этом Бога. С этими мыслями ты засыпала тогда, когда все просыпаются.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.